

Литературный АЗЕРБАЙДЖАН

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 3 1953

Сентябрь

ОРГАН СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА
БАКУ

МИР ДЖАЛАЛ

МАТЬ СОЛДАТА

Р а с с к а з

1.

— Беда с ними! Обо всем забыли, даже пить и есть им некогда... Сколько лет живу, а не видела, чтобы так жертвовали здоровьем. Ни дома у себя, ни здесь, в Баку, ни на шаг не отходят от своих книг. День и ночь, день и ночь... Не пойму, что смотрят учителя! Неужели никому не придет на ум отобрать у них учебники да выгнать на улицу? Подышали бы, по крайней мере, свежим воздухом, погуляли, глядишь, и аппетита набрались бы...

Эхтият-хала—это совсем на нее не похоже—гневно швыряет на стол поднос с чайной посудой. Стаканы и блюда дребезжат, чуть не валятся на пол. Даже не взглянув на них, Эхтият-хала идет во вторую комнату, к сестре, чтобы отвести душу, пожаловаться на Хафиза. Еще не доходя до порога, она начинает говорить, но обрывает себя на полуслове: Уснийят сладко спит.

Вот нашла время для сна! Эхтият-хала возвращается в стеклянную галерею, освещенную мягким светом лампы под желтым абажуром. С кем поделиться? Кому излить свое горе? Взгляд ее падает на идеально вычищенный, блестящий, словно серебро, казан с долмой.

С каким усердием готовила она сегодня обед! Утром встала чуть свет, чтобы успеть пораньше сбегать на базар, купить виноградных листьев и хорошей баранины. С базара так спешила домой, что соседка забеспокоилась, стала расспрашивать, не заболел ли Хафиз. Не заболел еще, так заболеет!.. Долма очень удалась, а он торопливо, не замечая того, что ест, поковырял вилкой в тарелке и ушел. «Мне нужно на консультацию». Какая может быть польза от этих консультаций и занятий на голодный желудок, когда глаза уже не видят от бессонных ночей!

В третий раз долитый чайник закипел. Поднимаемая паром крышка начала выбивать дробь. Зашипела хлынувшая на огонь вода. Видно, снова придется кипятить чай... Уже давно пора отдыхать, а Хафиз и его товарищи все сидят, уткнувшись в тетради. Так увлеклись, что хоть режь их на куски—и то не заметят. Эхтият-хала была почти уверена в этом.

Эхтият-хала жила в небольшом городе, выросшем среди гор много веков назад. Он находился вдали от железной дороги и славился своими живописными окрестностями. Из любого окна, с любой улицы были видны величественные, гордые вершины Большого Кавказского хребта. Они уходили далеко-далеко в небо, казавшееся здесь особенно глубоким и синим. В ясные зимние дни заснеженные горные исполины сияли и ис-

крились на солнце. Их суровая непреклонная красота навсегда оставалась в памяти того, кто хоть раз посетил эти чудесные края.

Работала Эхтият-хала на фабрике, выпускавшей белые, как снег, легкие шелковые ткани, расписанное яркими узорами шелковое полотно. Вряд ли кто в городе не знал ее или не слышал о ней. Об Эхтият-хала говорили на собраниях, писали в газетах. И на фабрике, и дома она была безупречно аккуратна, трудолюбива, как-то по-особенному внимательна и ласкова к людям. Ее никогда не называли по фамилии, все обращалось к ней по имени,—словно к матери или к старшей сестре.

Был у Эхтият-хала сын Тапдыг. Он погиб на войне. После него остался Хафиз—внук, живая память о сыне. Хафиз стал ее жизнью, радостью и надеждой. Все свои мечты и желания, связанные прежде с Тапдыгом, она посвятила Хафизу и стала для него отцом и матерью.

В прямом открытом взгляде черных глаз Хафиза, в его ладной фигурке, в его манере смеяться и ходить, не размахивая руками, в том, как он играл с друзьями, учился, рос и мужал,—во всем видела Эхтият-хала черты сына. Порой ей казалось: то, что происходит сейчас с Хафизом, уже было когда-то с сыном.

Говорят, что сердце матери—колыбель самых высоких, благородных чувств. Что может быть на свете сильнее материнской любви! Хорошо сказал один из великих писателей: перед матерью отступают океаны, останавливаются бурные потоки, склоняются горы и умолкают громы. Хафизу посвятила себя Эхтият-хала, приросла к нему всем своим любящим материнским сердцем. Непередаваемо больно было ей, когда невестка оставила у нее на руках восьмилетнего Хафиза и уехала к другому человеку, надеясь найти с ним счастье. Прижала притихшего мальчика к груди Эхтият-хала, заплакала и поклялась вырастить внука таким же, каким был его отец...

Она жила радостями и печалью внука. Если Хафиз болел,—к счастью, это случалось редко,—она не находила себе места. Когда Хафиз задерживался в школе на занятиях, она терпеливо выстаивала у ворот, дожидаясь внука. Хафиз смеялся, и Эхтият-хала чувствовала себя самой счастливой на свете.

Это имя Эхтият,—данное ей полвека назад,—так соответствовало ее облику и характеру, что ничего более подходящего нельзя было и придумать. Эхтият! Да, эхтият, т. е. бережливость, осторожность в их самом высоком понимании были присущи ей. На платье Эхтият-хала нельзя было увидеть ни пятнышка, ни соринки. У нее всегда имелись при себе иголка и нитки—вдруг оборвется пуговица, понадобится зашить что-нибудь. Рано поседевшие волосы были аккуратно повязаны безукоризненно чистым платком. Ясно глядели из-под густых, еще не успевших побелеть, черных, в разлет, бровей зоркие карие глаза.

Более двадцати лет проработала Эхтият-хала на фабрике и ни разу не опоздала к смене. Обычно она приходила в цех за полчаса до гудка, одевала халат и начинала готовиться к работе. Делала все будто не спеша, а успевала больше других. «Для Эхтият-хала не надо контролеров и браковщиков,—говорили на фабрике,—ее продукцию можно с закрытыми глазами на склад отправлять».

Она постоянно избиралась в фабричный комитет профсоюза и как-то незаметно, без шума вела большую общественную работу. На собрания приходила одной из первых, садилась в уголке, окруженная молодыми работницами, но выступала редко. Зато мало кто на фабрике мог так бережно и осторожно помочь человеку в беде или посоветовать, как поступить в трудную минуту.

И вот такая трудная минута настала для самой Эхтият-хала. Прошли годы. Хафиз окончил среднюю школу. Этот день был праздником для Эхтият-хала. Вечером Хафиз позвал бабушку, усадил рядом, обнял. Она сразу поняла: внук хочет что-то сказать. Хочет и не решается.

Хафиз вытащил из ящика стола широкий, как лаваш, журнал, украшенный картинками, пестрыми, словно ковер. На обложке было изображено несколько очень понравившихся Эхтият-хала дворцов. Один из них был так высок, что венчавшая его верхушку звезда упиралась в небо. На широкой площади перед дворцами светились яркие огни, пестрели цветами клумбы сквера.

— Какие чудесные дворцы, Хафиз!

— А ты знаешь, что это такое, мама?

Эхтият-хала, по своему обыкновению, ответила не сразу. Она взяла журнал и долго, внимательно рассматривала снимок.

— В Баку я часто бывала, сынок, но такого не видела. В Тбилиси тоже нет. Наверно это...

Эхтият-хала остановилась, еще раз взглядела в журнал и уже с уверенностью сказала:

— По-моему, это дом правительства.

— Почему же дом правительства, мама?

Вопрос этот Эхтият-хала нашла неуместным.

— Кто же, кроме советской власти, может соорудить такой дворец, сынок?

— Я не о том говорю, мама. Построила его, конечно, наша советская власть. Ты скажи, для чего он предназначен, кто будет там жить?

Теперь Эхтият-хала уже не задержалась с ответом.

— Жить и работать в нем будут большие люди, члены правительства, министры.

— Вот и не угадала, — рассмеялся Хафиз.

— А кто же?

— Этот дворец, как ты его называешь, мама, — университет. В нем будут учиться и жить тысячи студентов и преподавателей. Нигде в мире нет второго такого университета.

— Разве бывает такой огромный университет, сынок?

Хафиз, придвинувшись к бабушке, стал показывать ей снимки Московского университета имени Ломоносова и с жаром рассказывать все, что знал о нем.

— Смотри, мама! Здесь показана комната, в которой будут жить студенты. В новом здании университета двадцать пять тысяч комнат.

— Сколько ты сказал, сынок?

— Двадцать пять тысяч.

— Ума не приложу, Хафиз, зачем понадобилось так много комнат. Откуда они возьмут столько людей?

— Люди сами придут, мама, со всех концов. Кто не захочет учиться в Москве, да еще в таком университете!

— Когда же успели построить такую громадину, сынок?

— Пять лет работали. Осенью университет откроется и начнутся занятия.

— Счастливы те, кто будет там учиться!

— Мама, послушай, только не сердись. Ты не хотела бы, чтобы и я находился в числе этих счастливых?

—Почему не хотела бы? Разве я враг моему Хафизу? Лишь бы ты был достоин этого почета.

—Значит, ты не будешь сердиться на меня?.. Мама, ты—самая лучшая на свете! Ведь я—теперь скажу тебе прямо — все лето готовился, чтобы поехать в Москву, поступить в университет... Мамочка, если бы ты знала, как я люблю тебя!

Глаза Хафиза сверкали, словно заветная цель была им уже достигнута. Он бросился к Эхтият-хала и стал целовать ее. Затем подхватил ее своими тонкими, но сильными руками и закрутился по комнате, опрокинув стул.

—Успокойся, сумасшедший,—притворно сердито кричала Эхтият-хала.—Хафиз, кому говорят, надорвешься! Перестань, а то я тебя, сорванца, никуда не отпущу!

Но Хафиз только смеялся и продолжал кружить бабушку.

Словно гора свалилась у него с плеч. На душе стало радостно и легко. Сколько раз пытался он заговорить с бабушкой, сказать ей правду и каждый раз трусил, в последнюю минуту откладывал разговор. Как боялся он, что Эхтият-хала посмотрит на него укоризненно и скажет: «Не уезжай, оставайся здесь, чтобы я всегда видела тебя рядом. Не забывай, что кроме тебя у меня никого нет».

Хафиз решил, что, если эти слова будут сказаны, он не станет спорить, и друзья поедут в Москву без него. Приемных экзаменов он боялся меньше, чем отказа бабушки. И теперь, когда она согласилась на его отъезд, Хафиз не знал, что делать от счастья.

«Я непременно попаду в университет,—твердил он себе,—и именно в этот университет, о котором мечтает молодежь всего мира».

Хафиз кружил бабушку и не догадывался, что ей стоит больших усилий скрыть охватившую ее грусть.

«Скоро он уедет, и я останусь одна»,—думала Эхтият-хала, через силу улыбаясь внуку.

3.

Боль предстоящей разлуки не покидала Эхтият-хала. Но она оставалась такой же ровной и ласковой в обращении со всеми. Простое морщинистое лицо ее попрежнему озарялось улыбкой, когда с нею говорили о Хафизе.

—Как внук твой, Эхтият-хала?

—Спасибо, дорогая. В этом году он едет учиться в самый большой московский университет.

Сама Эхтият-хала умела только писать и читать. Однако это не мешало ей понимать, что попасть в университет—большая честь для Хафиза. И еще знала Эхтият-хала, что если она, простая работница из далекого маленького городка, посылает внука учиться в Москву, то это может быть только в нашей отчизне, за которую отдал свою жизнь отец Хафиза, ее сын Тапдыг.

Целыми днями Хафиз просиживал с друзьями за учебниками. Они расставались только на короткое время, сходить домой покушать, а часто Эхтият-хала удавалось уговорить товарищей внука остаться пообедать у нее.

Потом ребята снова усаживались за учебники, а Эхтият-хала устраивалась в уголке, с нежностью наблюдая за ними.

Худошавый высокий Мурад обычно сидел за книгами молча, сурово сдвинув брови, и с каким-то почти мстительным выражением решал на листах бесконечные задачи, выводил формулы.

Другой—порывистый и непоседливый Юрий—обычно зажимал ладонями уши, словно боясь, что кто-то может отвлечь его от занятий.

Хафиз без конца ерошил непокорную прядь волос, окидывал друзей быстрым взглядом и снова углублялся в занятия. Он сдружился с ними чуть не с первого класса, повсюду бывал с ними вместе. Их сближали и общие интересы, и то, что родители их работали на одной фабрике. И вот теперь все трое совместно готовились к поступлению в Московский университет.

Наблюдая за ними изо дня в день, проводя все свободное время в хлопотах, Эхтияг-хала еще не чувствовала со всей остротой предстоящей разлуки. Но вот срок пришел: завтра Хафиз уезжает в Баку. С вечера Эхтияг-хала готовила его в дорогу. Снова проверила выстиранное и выглаженное накануне белье, укрепила слабо державшиеся пуговицы. Уложила в новый чемодан мыло, зубной порошок, полотенце, носовые платки. На дно чемодана, под газету, положила триста рублей. Как будто все...

Эхтияг-хала присела возле стола и задумалась, прислушиваясь, как тихо дышит во сне Хафиз. «Едет в большой город,—думала она.—Там у него много друзей будет. Неудобно, надо сшить чехол для чемодана».

В сундуке давно был на всякий случай припасен кусок хорошего синего сатина. Быстро появилась на столе старенькая швейная машина, и часа через два нарядный чехол с красивыми белыми пуговицами был готов.

Эхтияг-хала надела его, подняла чемодан, проверяя—не тяжел ли. Глаза ее, еще минуту назад озабоченные и печальные, прояснились. Улыбка осветила лицо.

—Мама, ты еще не спишь?

Эхтияг-хала вздрогнула. Проснулся! А она-то радовалась, что он так крепко уснул перед отъездом. Шила и любовалась им, и руки работали проворнее, быстрее бежало время.

—Нет, мой мальчик. Спи, спи! Я тоже сейчас лягу.

Но Хафиз уже не мог уснуть. Он мысленно видел себя в Баку. Вот он вместе с притихшими товарищами входит в просторную светлую аудиторию. За огромным столом, покрытым зеленым сукном, сидят экзаменаторы. Один из них—старик в маленькой черной шапочке (Хафиз не раз видел в журналах снимки ученых в таких странных шапочках)—приглашает его взять билет. Вот он уже отвечает, заглушая своим голосом такой громкий, что, кажется, все его слышат, стук собственного сердца...

—Поздно, мама! Ложись, тебе ведь с утра на работу.

—Ложусь, ложусь, сынок. Спи и ты.

Эхтияг-хала быстро прибрала со стола, потушила лампу и легла. Ей очень захотелось сказать сейчас внуку все, что так волновало ее эти дни: «Почаще пиши, хорошенько следи за собой, во-время кушай. Не раскрывайся ночью, ты легко получаешь насморк. Дружи с достойными людьми...». Только боязнь окончательно перебить внуку сон удержала Эхтияг-хала. Она тихонько вздохнула и закрыла глаза, хотя знала, что не сможет уснуть в такую ночь.

Словно все заботы мира навалились на нее. «Как он пройдет через эти трудные испытания?—спрашивала себя Эхтияг-хала.—Бедненький, он и так похудел, занимаясь в летнюю жару... Останутся ли довольны учителя Хафизом или вернут ему бумаги и скажут: «Поступай-ка в другой университет. В Москве тебе трудно будет учиться, силенок нехватит...». О, что я говорю, пусть мой язык отсохнет! Мальчик с ума сойдет от горя. Что я тогда буду делать?..».

Эхтият-хала стало страшно при одной этой мысли. «Нет, мой Хафиз не хуже других знает науки,—стала она успокаивать себя.—Буниат-му-эдим очень хвалил его. А как он пишет,—узор, не почерк. На соревнованиях его модели летали дальше всех. И потом он уже второй год комсомолем—как такому не дать дороги! Нужно будет, пойду к самому министру. Один он, солдатский сын, у меня, скажу, неужели ему места в университете не найдется! Отец погиб за то, чтобы такие, как Хафиз, жили счастливо и учились, а вы его не хотите принять... Да разве можно допустить такую несправедливость!».

Эхтият-хала уже обдумывала доводы, которые она приведет министру в защиту внука. Вдруг Хафиз пробормотал что-то во сне, заворочался. Эхтият-хала замерла. Неужели снова проснулся? Прошла минута, другая. В комнате было тихо. Хафиз спал. Эхтият-хала вернулась к своим мыслям, но они потекли теперь в ином направлении.

«Напрасно мучаюсь,—говорила себе Эхтият-хала.—За Хафиза не придется просить. Десять лет он учился в школе—разве я хоть раз просила за него учителей! Иншаллах¹, и дальше будет так. Глупо сомневаться в этом».

Убедившись, что не сможет уснуть, Эхтият-хала встала и потихоньку вышла во двор. Светало, а ей хотелось, чтобы эта ночь протянулась, как можно дольше. Город еще не просыпался. С гор тянуло свежестью. Эхтият-хала поставила самовар. Затем нарвала в саду полную корзинку персиков и слив и прикрыла их сверху влажными от росы туловыми листьями.

Самовар начал петь свою деловитую однотонную песню. Открыв калитку, Эхтият-хала выглянула на улицу. Было уже совсем светло. Гулко раздавались шаги одиноких прохожих по каменным плитам тротуара.

—Доброе утро, Эхтият-баджи², к добру ли так рано встала? Приезжает кто-нибудь?

Это был старый знакомый—почтальон Акпер. Эхтият-хала обрадовалась ему.

—Пусть счастье сопутствует тебе, Акпер-кардаш³,—ответила она. —Нет, никто не приезжает. Наоборот, это я провожаю Хафиза. Едет в университет на уроки.

—В добрый час! Значит, скоро будем носить тебе письма.

Акпер ушел. Эхтият-хала поставила на стол самовар, приготовила все к завтраку. Усталости она не чувствовала. Хафиз спал, по давнишней детской привычке засунув руку под подушку и откинув одеяло. Эхтият-хала немного постояла возле него, осторожно пригладила непокорную прядь его черных, слегка курчавящихся волос. Потом взяла чемодан и корзинку с фруктами и вышла, неслышно прикрыв за собой дверь.

Она отнесла вещи к автобусной станции. Там отдала их дежурному и попросила его купить билет для Хафиза. «Мой мальчик с друзьями едет поступать в Московский университет,—сказала Эхтият-хала.—Займите им, пожалуйста, три места впереди, чтобы их меньше трясло в дороге».

Когда она возвращалась домой, из окон уже звучало радио. Кремлевские куранты мерно отбили шесть ударов. Эхтият-хала прибавила шаг.

Хафиз еще спал. Утренний сон был так крепок, так не хотелось расставаться с внуком, что Эхтият-хала долго стояла возле кровати, не решаясь будить Хафиза. Наконец, она пересилила себя.

¹ Иншаллах — аминь.

² Баджи — сестра.

³ Кардаш — брат.

— Вставай, сынок, пора!

Пока Хафиз завтракал, Эхтият-хала, наскоро выпив стакан чая, снова вышла в сад и вернулась с большим букетом цветов.

— Твоя тетя Уснийят очень любит цветы,— сказала она, целуя внука.
— Я выбирала бутоны. Они не завянут до Баку.

— С цветами провожаешь меня, мама! Чем отплачу я тебе за...

— Молчи, сынок,— прервала его Эхтият-хала сдавленным голосом.— Только молчи. Обними меня на прощание—и в путь.

Так Хафиз впервые покинул родной город. Сдавать экзамены ему предстояло в Баку. Там его ждала тетя Уснийят. Эхтият-хала обещала внуку взять отпуск и тоже приехать в Баку, быть вместе с ним, когда решается его судьба.

Так она и сделала.

4.

Кто не знает, что такое бакинское лето! Солнце, словно раскаленный добела медный круг, поднимается из-за моря и немилосердно жжет и палит весь день. Идешь по улице и ощущаешь на плечах тяжесть солнечных лучей. Кажется, что они придавливают тебя к земле, и ты поневоле бежишь на другую сторону, чтобы хоть немного спрятаться в узкой ленте тени от этого солнечного неистовства. День и ночь работают фабрики холода, выделявая лед. Непрестанно поливают город мощные автомашины-фонтаны на колесах. Неумолчно жужжат работы-вентиляторы. С молниеносной быстротой пустеют набитые доверху тележки с мороженым. Выпивается невероятное количество простой, газированной и минеральной воды. И все-таки, несмотря ни на что, жара дожимает бакинцев. Встречая друг друга, едва успев поздороваться, они начинают жаловаться на жару, мечтать вслух о поездке куда-нибудь на пляж, где лениво плещутся волны, обещая желанную прохладу.

В один из таких жарких вечеров в небольшой комнате трехэтажного дома по улице Низами занимались трое юношей. Стол, за которым они сидели, был завален тетрадами и книгами. Ребята так погрузились в занятия, что забыли, как говорится, обо всем на свете.

Ближе к распахнутому настежь окну сидел худощавый юноша в майке и трусах. Остальные части его туалета были небрежно брошены на спинку кровати. Упрямо сдвинув брови—видно, дело шло туго,—он выводил какую-то формулу, торопливо заполняя колонками цифр и латинских букв тетрадный лист.

Его сосед облокотился на стол обеими руками, зажал ладонями уши. Он читал про себя сильно потрепанный учебник и забавно шевелил губами. Третий—в этот момент он встал из-за стола и подошел к висевшей на стене карте — был Хафиз.

Друзья заметно осунулись. Рабочий день их был уплотнен до отказа. Занимались они часов по шестнадцати в сутки, строго соблюдали составленный еще до приезда в Баку график. Сначала, правда, они позволяли себе обмениваться шутками, подзуживать друг друга во время занятий. Потом вошли в азарт и уже не давали себе поблажки. Экзаменационная страда захватила их.

Лишь в короткие пятиминутные перерывы можно было слышать, как они смеются, вспоминая свои страхи перед сданным накануне «на отлично» экзаменом, обливаются водой или борются, звонко хлопая друг друга по потным спинам и роняя стулья.

В самый разгар веселья строгий Мурад смотрел на часы и вопил, угрожающе подняв руку:

—Хватит!

Миг—и стулья ставились на место, стол вновь выдвигался на середину комнаты. Наступала тишина, нарушаемая только гудками автомобилей за окном, шелестом переворачиваемых страниц да скрипением карандашей по бумаге.

Как ни старалась приехавшая вслед за внуком Эхтият-хала изощряться в кулинарии, ее искусство потеряло свою силу. Раз она спросила ребят, понравился ли им плов.

—Разве сегодня на обед был плов?—искренне удивился один.

—Честное слово, не помню,—пробормотал другой.

—Наверное, был хорош, ты же иначе не умеешь, мама,—за всех ответил Хафиз.

Больше Эхтият-хала не задавала подобных вопросов и только еще настойчивее требовала:

—Кушайте! Кушайте, а то не пойдут вам на пользу ваши уроки — все из головы вылетит!..

—Обо всем забыли, даже пить и есть им некогда,—жаловалась она. —Сколько лет живу, а не видела, чтобы так жертвовали здоровьем. Ни на шаг не отходя от своих книг. День и ночь, день и ночь... Не пойму, чего только смотрят учителя!

Эту жалобу услышал однажды возвратившийся домой Хафиз. Он бежал всю дорогу, стремглав взлетел по лестнице на третий этаж и остановился, чтобы перевести дыхание. Эхтият-хала говорила кому-то:

—Больше я не могу смотреть, как они изводят себя. Вконец измучились... Сегодня же насильно уложу их в кровать. Пусть хоть выспятся как следует, а там видно будет!

Хафиз тихонько отворил дверь и заглянул в галерею. Эхтият-хала изливала душу соседкам. Хафиз на цыпочках подкрался к ним, остановился сзади, подбоченился, сделал рассерженное лицо и выпалил, ловко подражая бабушке:

—Больше я не могу смотреть, как они изводят себя!

— Ой!

Это было так неожиданно, что женщины вздрогнули от испуга. Растерянно смотрели они на Хафиза, а тот продолжал, все более и более повышая голос:

— Хватит! Сегодня же насильно уложу их в кровать. Пусть хоть выспятся как следует, а там...

— Негодный мальчишка!—Эхтият-хала уже опомнилась и схватила внука за ухо. — Постой, задам же я тебе, чтобы не смел передразнивать бабушку!

—Аман!—притворно извиваясь от боли и корча гримасы, вопил Хафиз. —Больше не буду, мама, никогда не буду! И потом у меня есть бумага, которая прощает все мои грехи.

— Что за бумага такая, неблагодарный?

Хафиз вынул из кармана бережно сложенный белый квадратик и прочел. Это была справка о том, что он сдал экзамены и зачислен на первый курс физико-математического факультета университета имени Ломоносова.

От волнения Эхтият-хала не могла вымолвить ни слова. Она судорожно прижала к себе внука и трясущимися руками гладила его вихрастую голову.

— Юрика тоже приняли, но на другой факультет. Мураду, бедняге, не повезло. Он поедет в Ленинград. Впрочем там тоже прекрасный университет. Ты знаешь, мама, у меня все пятерки, только по русскому пись-

¹ Аман — пощади.

менному четыре. Надо будет поднажать. Ну что, теперь ты перестанешь сердиться?

Вечером обе маленькие комнаты заполнились гостями. Было тесновато, но никто не сетовал на это. Звучала музыка, и Эхтият-хала на радостях плясала так, как не танцевала и в молодости. Мысль о близкой разлуке уже не омрачала ее.

...Двадцать пятого августа на перроне бакинского вокзала царило необычное оживление. В Москву уезжали студенты высших учебных заведений столицы—и принятые недавно, и старшекурсники, многим из которых скоро предстояло получить диплом.

Проводить их пришли родные и друзья. Всюду слышались веселые шутки, звенел смех. Когда радио сообщило, что поезд отходит, Эхтият-хала почувствовала, словно чья-то невидимая рука вырвала у нее сердце. Она окаменела от неизведанного еще ощущения пустоты и одиночества.

Потом сердце снова забилось в груди, словно его вложили обратно. Слезы текли по ее щекам, и Хафиз осушал их поцелуями.

— Езжай, сынок, обо мне не беспокойся,—шептала внуку Эхтият-хала,—мне достаточно твоего счастья...

Поезд тронулся. Хафиз вскочил на ступеньку. Он кричал что-то, но так как кричали все—и отъезжающие, и провожающие,—ничего нельзя было разобрать. Все махали платками и кепками. Многие из провожающих бежали за вагонами. Но Эхтият-хала видела одного Хафиза. Не отрывая взгляда, жадно смотрела она на него, пока поезд не исчез за поворотом.

Выпрямившись, подняв голову, шла Эхтият-хала по перрону. И вокруг нее шли такие же опечаленные, но гордые за своих сынов и дочерей люди. Помолодевшая, словно сбросив с плеч десятка два лет, спустилась старая текстильщица на залитую светом привокзальную площадь. Поезд еще погромыхивал на стыках у Баладжар, а она уже видела, как внук ее поднимается по широким мраморным ступеням университета. Вместе с ним идут тысячи юношей и девушек, прибывшие со всех концов страны, говорящие на разных языках и, несмотря на это, понимающие друг друга, как брат понимает брата и сестра — сестру.

В торжественном многоязычном хоре Эхтият-хала ясно уловила лолос своего Хафиза, полный счастья и радости.

Перевел Н. ИРИНИН.

